

УДК 316.6(477)

© *А. Н. Окара, 2007*

УКРАИНСКИЕ ДИСКУРСЫ И РОССИЙСКАЯ ПАРАДИГМА

Окара А. Н. – канд. юрид. наук, доц., директор центра Восточноевропейских исследований (Москва)

Рассматривается притяжение/отталкивание между русской и украинской культурами и их проявление на уровне принятия политических решений. Показывается качественное различие в ментальных структурах, позволяющее Украине бесконечно долго существовать и даже процветать в условиях кризиса и фатальность такой ситуации для России.

The article deals with attraction / repulsion between the Russian and the Ukrainian cultures and their manifesting on the level of adopting some political decisions. It shows the qualitative difference in their mental structures that allows the Ukraine to exist and even flourish in the period of crisis and resignation of such situation for Russia.

Отношения России и Украины, основанные на вычитании, сложении либо умножении их потенциалов

По большинству видимых критериев Россия и Украина чрезвычайно близки и похожи друг на друга – вплоть до полной неразличимости. Надо разбираться в антропологии или иметь наметанный глаз, чтобы по внешности отличить этнического украинца от великоруса. Однако такая похожесть часто вводит в заблуждение и не дает понять конструктивных особенностей тех самых «генераторов исторического развития» каждой из стран, которыми задаются направление и скорость движения в пространстве и времени.

Кроме того, российско-украинское взаимопонимание осложняется из-за огромного количества стереотипов, мифов, фантомов, симулякров и взаимных исторических претензий: в украинской историософии сильны русофобские мотивы, в российской – украинофобские.

А еще значительно усложняет этот процесс точка наблюдения: глядя из России, можно сделать вывод лишь об имидже Украины, но

крайне сложно понять закономерности ее развития. Московская точка зрения на происходящее там отличается от киевской, львовской или донецкой хотя бы в силу географического фактора – не говоря о факторах культурных, ментальных, информационных. Более того, московская точка зрения на Украину и украинскую проблематику до такой степени самодостаточна, построена на таком большом количестве собственных «замеров», оценок, интерпретаций фактов, что ее, как правило, полная неадекватность реальному состоянию дел и культурно-политическим процессам остается сокрытой от российских наблюдателей. Да и некоторые московские «штатные украиноведы», формирующие представления об Украине в российском информационном пространстве и в информационных сетях, связанных с принятием стратегических государственных решений, заняты не постижением страны, а скорее, идеопробандой либо политтехнологическим бизнесом. В результате на основе ошибочного диагноза политические «доктора» «прописывают» неправильные «лекарства» – часто совершенно не от тех «болезней». Следует ли после этого удивляться, что российско-украинские отношения – одна из самых запущенных «болезней» внешней политики России?

Жизнь в условиях Хаоса

Очередные политические потрясения в Украине, связанные на сей раз с роспуском Верховной Рады в апреле 2007 года и досрочными парламентскими выборами в сентябре, по мнению большинства российских наблюдателей, должен погрузить украинское общество в неопределенность, мрак и хаос.

Тем не менее ничего подобного не происходит. Более того, во время серьезных столкновений политических «гигантов» на местном уровне кое-где наблюдается даже некоторое оживление: пока политики заняты борьбой за власть, у них нет времени и сил вмешиваться в сугубо экономические и социальные процессы – процессам это идет, как правило, на пользу. Похоже, *при отсутствии серьезных внешних вызовов Украина-как-страна вполне может просуществовать без Украины-как-государства*. Многие работающие в Украине крупные иностранные инвесторы привыкли и неплохо приспособились к тому, что в стране постоянно «трясет», но это не приводит ни к развалу частного бизнеса, ни к глобальному экономическому краху. И если бы не волюнтаристские факторы – вроде индексов привлекательности страны, выставяемых различными международными агентствами на основании анализа мнимых рисков и угроз, экономическая ситуация в Украине вполне могла бы считаться стабильной, тем более что сами полити-

ческие сотрясения минимально влияют на рост ВВП и макроэкономические показатели.

С точки зрения сочетания состояний социальной стабильности и нестабильности, парадигм Хаоса и Порядка Украина и Россия представляют собою достаточно интересные и противоположные по многим показателям феномены.

В российской политической культуре социальный хаос рассматривается как самая большая политическая и экзистенциальная угроза государству и народу, как предвестие Смуты. Феномен Владимира Путина в начале первого президентского срока основывался именно на восприятии его общественным сознанием как титана – борца с Хаосом и Смутой ельцинской эпохи, вернувшего в Россию порядок и субъектность государственной власти.

В условиях российской политической культуры, политической действительности и традиционных для России внешних вызовов сохранение социальной стабильности возможно лишь при условии когнитивной определенности в политической сфере и наличии факторов, подтверждающих, что в стране торжествует Порядок. Символами такой определенности и порядка служат централизованное государство, властная вертикаль, фигура верховного правителя, чья власть, как подразумевается, имеет трансцендентное происхождение и т. д. Но вот на локальном, местном уровне проявления социальной неустойчивости не рассматриваются как экзистенциальная угроза, как посягание на основы существования. Источником Хаоса в российских условиях служат разнообразные антисистемные вызовы: в историческом прошлом это были самозванцы, выдававшие себя за монархов, казацкие движения, разбойники, старообрядцы и сектанты, нынче – параллельные властные структуры или центры влияния на политику государства, политическая оппозиция, организованная преступность, стихийные народные выступления, проблемные национальные окраины – «кавказский узел», «чеченский вопрос», региональный сепаратизм и т. д. То есть для российской политической системы жизненно необходим порядок в центре – на уровне центральных властных органов и управленческих структур, а также когнитивная определенность в общенациональном масштабе. При этом допустимо, чтобы на местном уровне проявлялись неупорядоченность, нестабильность и неэффективное управление.

Украинская же политическая культура и политическая действительность устроены наоборот: на общегосударственном уровне постоянно в той или иной форме идет «война всех против всех», отсутствуют четкие, общие для всей политической системы ценностные ориентиры, наличествует немало разновекторных приоритетов, «политиче-

ское» подчиняется сугубо прагматическим интересам, из-за чего политика превращается в бизнес, а интеграция элитных сетей осуществляется на основе решения проблем, а не на основе ценностей и идеалов. Тогда как на локальном уровне бытие может существовать по законам «самонастраивания» и саморегуляции. Получается, что в центре системы – неорганизованность и нестабильность, но на локальном уровне – относительная стабильность, достигаемая путем самоорганизации. *При этом монарх как носитель сакральной легитимности, который в украинских условиях находится на географическом удалении, за пределами системы (в Варшаве, Вене, Санкт-Петербурге или Москве), служит не столько символом нации и государственности, сколько гарантом некоего высшего, космического порядка вещей.* К примеру, для запорожских «козаков» московский царь был не столько политическим защитником (весьма ненадежным, кстати), не столько государственным менеджером («козацкая старшина» пыталась сохранить самоуправление и всячески противилась внедрению московских порядков и царских воевод), сколько «внешним епископом церкви», символом единства православной ойкумены, удерживающим мир от торжества антихриста, – фигурой не административного, но священного Порядка.

Если рассматривать Россию, Украину и Беларусь как единую политическую макросистему, можно заметить, что ее составные части по-разному реагируют на общие вызовы. Иногда они создают также вызовы друг для друга.

Украинский вызов России – это вызов органической неупорядоченной хаотической стихии по отношению к реальности монументальной, испытывающей острую потребность в упорядоченности. Например, мирная «оранжевая революция» была воспринята в России в ореоле экзистенциального ужаса – как угроза российскому суверенитету, как украинское предвестие того самого «русского бунта», который, по Пушкину, «бесмысленен и беспощаден», как вызов политическому режиму Владимира Путина и самим основам Российского государства.

Российский вызов Украине противоположен: в сознании многих даже пророссийски настроенных украинцев Россия воспринимается как «гиперпорядок», как экспансионистское «государство-монстр», как «каменный колосс», несущий угрозу украинскому саморегулирующемуся миру.

Здесь может показаться уместной концепция российской истории как постоянного диалога леса и степи, разработанная Георгием Вернадским и принятая в кругу евразийцев: попытки объединения степи и леса (до X века); борьба между лесом и степью (X–XIII века); победа степи над лесом (середина XIII – середина XV века); победа леса над степью (середина XV – конец XVII века); объединение леса и степи

(имперский период). Понятия «леса» и «степи», как уточнял сам Вернадский, употребляется не в почвенно-ботаническом значении, а в совокупности природного и историко-культурного значения [1]. Фактически дихотомия «лес / степь» идентична дихотомии «российский Порядок / украинский Хаос» (хотя «степь» у евразийцев отождествлялась, разумеется, не с украинским (славянским) началом, а с началами печенежским, хазарским, половецким, тюркским).

Парадигмы Порядка и Хаоса зафиксировались также и в истории национальных культур: в контексте украинской культуры наиболее продуктивной и созвучной национальному образу мира считается эпоха Барокко – стиля вычурного и нерегулярного. «Золотой век» в русской культуре – это прежде всего эпоха Классицизма XVIII века.

Однако именно хаотическое и нестабильное социальное пространство – это среда для появления качественных изменений в любых системах и процессах [2]. *Поэтому Украина по сравнению с Россией имеет больше шансов для появления социально-политических инноваций при меньших рисках.*

В контексте украинской политической культуры проявления социального Хаоса на протяжении обозримой истории не понимались исключительно в негативном свете: с ними пытались бороться (некоторые украинские гетманы, к примеру, воевали с Запорожской Сечью), с ним могли мириться, но он всегда оставался важной составляющей украинской модели бытия.

С точки зрения украинской исторической мифологии «козаки», гайдамаки, галицкие повстанцы-опришки, махновцы, бандеровцы, всевозможные партизаны, которые объективно являлись носителями социальной неустойчивости, – фигуры прежде всего героические, достойные уважения и почитания. В контексте российской исторической мифологии фигуры Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева воспринимаются либо однозначно негативно, либо амбивалентно.

Украинский социально-политический опыт дает немало интересных примеров успешной адаптации к бытию в условиях хаоса и нестабильности.

Для национального политического сознания архетипическим персонажем стал Нестор Махно. Созданная им в годы гражданской войны под черным флагом анархии анархо-синдикалистская трудовая федерация и 100-тысячная армия стали подтверждением динамической устойчивости украинского общества на локальном уровне и способности его к самоорганизации и саморегуляции. Образ Нестора Махно как «наследника запорожских козаков», как «украинского Че Гевары», как

«самого гениального анархиста всех времен и народов» является одним из наиболее почитаемых и знаковых для украинской культуры. В России же к Махно как к историческому персонажу и мифологическому образу отношение более настороженное: в официальных интерпретациях истории он изображается как бандит и опасный анархист – враг любой государственности. Тогда как в неофициальном, народном восприятии и в художественной литературе (например, в поэме Сергея Есенина «Страна негодяев» (1923)) он – символ свободы, «народный атаман», противостоящий тоталитарному «государству-монстру». Характерно, что в начале XX века в Украине анархистские и анархо-синдикалистские идеи были значительно популярнее, чем в России. Так, к примеру, в 1905–1907 годах на украинской территории Российской империи насчитывалось порядка 90 анархистских групп, тогда как на российской – порядка 35–40. При этом «южные» группы были многочисленнее «северных» [3].

В нынешней украинской политике социальная нестабильность и «война всех против всех» создали ситуацию полиархии – конкуренции трех самодостаточных политических сил: Виктора Ющенко и «Нашей Украины», Виктора Януковича и Партии регионов, Юлии Тимошенко и блока ее имени. Никто из них не имеет монополии на власть и в обозримом будущем вряд ли может на нее рассчитывать. Поэтому эти политические силы вынуждены лавировать, блокироваться, интриговать друг против друга. Чаще всего двое из них объединяются против третьего, причем каждый раз создаются новые комбинации. Это вызывает протест и разочарование у населения, однако не имеет разрушительных последствий для государства и экономики. В России похожая ситуация полиархии наблюдалась в эпоху Ельцина, но тогда она привела к фатальным для государства последствиям. Путинская элита предпочла не экспериментировать подобным образом, что в целом соответствует установкам российской политической культуры: при Путине с полиархией было покончено – власть и основные материальные активы сконцентрировались в руках одной мегагруппировки.

Украинская политическая система обладает такими мощными механизмами саморегуляции, что в острые кризисные моменты может обходиться даже без правовых регуляторов. «Оранжевая» революция и все последовавшие за ней крупные политические события и кризисы в Украине проходили в условиях правового нигилизма, которые можно определить как «гибель права» [4].

До «оранжевой» революции считалось, что соотношение закона и права – проблематика сугубо научная, теоретическая, которой занимается философия и общая теория права и которую не востребуют даже про-

фессиональные юристы в правоприменительной деятельности. Однако киевский Майдан и череда последующих событий – вплоть до роспуска президентом Верховной Рады в апреле и досрочных выборов в сентябре 2007 года – показали, что различие закона и права, соответствующее различению легальности и легитимности власти, может использоваться в качестве весьма эффективной политической технологии.

Несколько указов Виктора Ющенко о роспуске Верховной Рады позволили «обкатать» эту технологию на практике и окончательно закрепить в политтехнологическом арсенале. В условиях, когда для участников политического процесса не действуют ни нормы позитивного права (Конституция, законы, подзаконные акты), ни нормы обычного права (правовые обычаи – так называемые «понятия», принятые не только в воровском сообществе, но и в постсоветской политической и деловой среде), эффективными могут быть апелляции либо к «революционной целесообразности», либо к естественному праву и «духу закона». Первая в современных условиях неактуальна, ибо отсылает к правовому нигилизму советской эпохи. Вторая же может служить правовым обоснованием сомнительных в конституционном отношении политических решений. Хотя, конечно, естественное право имеет определенные критерии – тот же Виктор Ющенко обосновывал свои действия по роспуску парламента ссылками на обязанность президента быть гарантом Конституции и не допускать узурпации власти какой-либо одной ее ветвью.

С точки зрения ситуации «гибели права» примечательно высказывание одного журналиста об украинском президенте после роспуска тем Верховной Рады в апреле 2007 года: «Они (“донецкие”. – А.О.) думали, что Ющенко – это “лох”, а он оказался “беспредельщиком”» [5].

Три Украины – три идентичности

Большинство российских политиков и политологов говорят о существовании двух Украин, разделенных именно по Днепру то ли цивилизационным кордоном, то ли непреодолимой мировоззренческой пропастью. Одна Украина – «близкая», «пророссийская», другая – «антироссийская» и «прозападная»: вот-вот страна должна развалиться пополам. Почти как у Киплинга: *«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд»* [6].

Современная Украина, по мнению многих российских политических экспертов, – это случайное, механическое, ничем не мотивированное объединение различных по своей истории, ментальности, эт-

ничности и идентичности регионов, которое состоялось исключительно благодаря российским правителям – Ленину, Сталину, Хрущеву и Ельцину.

Украинские политики и политологи, напротив, говорят, что Украина по большинству показателей, скорее, едина, и что раскол страны – это следствие российской информационно-политической экспансии, результат сознательной работы «околокремлевских» политтехнологов. И что Украина в ее нынешнем виде «состоялась» благодаря вековой воле всех украинских регионов к воссоединению в едином государстве. Сюда же примыкает точка зрения, согласно которой построение единой политической нации и монолитность Украины в существующих границах могут состояться благодаря построению гражданского общества.

Очевидно, что обе эти позиции – не констатация реальности и не политический анализ, а попытка рефлексивного влияния на ситуацию посредством своих «авторитетных политологических оценок».

Проблема границ для Украины чрезвычайно актуальна, однако, вопреки распространенному в России стереотипу, через ее территорию проходит не одна граница, делящая страну на «пророссийскую» и «антироссийскую» части, а несколько самых разнообразных границ. И это, в конечном итоге, не столько раскалывает страну, сколько придает колорит ее регионам.

Наиболее значимые кордоны – цивилизационные: через Украину проходит не один такой кордон, а два. Первый разделяет восточноевропейскую (восточнохристианскую) цивилизацию и центральноевропейский лимитроф западноевропейской цивилизации. Граница эта нечетка, но проходит она вовсе не по Днепру, как принято считать в России, а приблизительно по Збручу, деля Украину на Западную и не-Западную. Близка она к границе между «габсбургской» Украиной и Украиной «романовской» (по состоянию на 1914 год).

Следует отметить, что геокультурная и цивилизационная границы в западной части Украины не совпадают. Геокультурная граница отделяет весь западноукраинский регион от остальной Украины: по одну сторону к западу от этой границы оказываются Львовская, Ивано-Франковская, Тернопольская, Волынская, Ровенская, Закарпатская, Черновицкая, отчасти Хмельницкая области. Цивилизационная же граница отделяет преимущественно грекокатолическую Галичину (Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую области) от других западноукраинских областей – преимущественно православных. Следует отметить, что именно на Волыни сосредоточены самые многочисленные православные епархии Московского патриархата – Волынская,

Владимир-Волынская, Ровенская. Здесь, пожалуй, самый высокий среди православных восточных славян уровень религиозности и наиболее интенсивная религиозная жизнь.

Второй цивилизационный кордон в Украине – это Крым, который является территорией сосуществования восточноевропейской (восточнохристианской) цивилизации и лимитрофа исламской цивилизации.

Днепр как главный культурно-цивилизационный разлом между «двумя Украинами» – неудачная метафора. Если его рассматривать как геокультурную границу, то окажется, что в Левобережье находится Полтавщина – родина украинской идеи, идентичности и литературного языка, откуда происходит не только Гоголь и Григорий Сковорода, но также Симон Петлюра и первый теоретик украинского национализма Николай Михновский. Левобережье – это и Сумская область, родина Виктора Ющенко, и Черниговская – родина Леонида Кучмы и Александра Довженко. На Правом же берегу Днепра находятся Одесса и Николаев, чьи заслуги в создании украинской идентичности скромнее. Не является Днепр и языковой границей: в Центральной и Юго-Восточной Украине преобладание украинского или русского языков соотносится главным образом не с региональным делением, а с делением «село – город».

По Днепру в Центральной Украине действительно проходит интересная граница, но очевидна она лишь для тех немногих, которые разбираются в истории культуры: Левобережная Украина (Гетманщина) заключила союз с Московским царством в середине XVII века, Правобережная Украина была присоединена к Российской империи на полтора столетия позже – после раздела Речи Посполитой в конце XVIII века. Так вот, в Правобережной Украине кое-где и поныне встречаются памятники польской архитектуры – костелы, шляхетские усадьбы, старинные парки. Самым известным считается уникальный дендропарк «Софиевка» в городе Умани Черкасской области – его заложил в честь своей жены польский граф Станислав Потоцкий, перешедший после раздела Польши на службу к Екатерине II. Вообще в правобережных областях польское шляхетство заметно доминировало до 1831 года, но даже после подавления польских восстаний сохраняло свои позиции – вплоть до Октябрьской революции.

Ареал распространения Магдебургского права, значение которого украинские историки любят переоценивать, также не совпадает ни с границей по Днепру, ни с цивилизационным кордоном. Он совпадает с ареалом распространения регулярной польской государственности по состоянию на середину XVII века, местами – с границей между Центральной и Юго-Восточной Украиной.

Граница электоральных предпочтений проходит не по Днепру, а перпендикулярно – с юго-запада на северо-восток (по одну сторону этой границы остаются Винницкая, Кировоградская, Полтавская и Сумская области, по другую – Одесская, Николаевская, Днепропетровская, Харьковская области) [7]. Она также примерно совпадает с границей между Центральной и Юго-Восточной Украиной и одновременно с границей Древней Руси и Дикого поля в XI веке [8] или Великого княжества Литовского и Крымского ханства в XV веке [9]. То есть та часть Украины, в которой голосуют преимущественно за Виктора Ющенко, Юлию Тимошенко и их сторонников, – это преимущественно земли тысячелетней славянской колонизации, та часть Украины, в которой голосуют преимущественно за Виктора Януковича и его сторонников, – это земли, колонизированные в конце XVII – середине XVIII века.

В геокультурном отношении Украина делится не на два, а на три макрорегиона: Западную, Центральную и Юго-Восточную. Между этими «тремя Украинами» нет абсолютных границ, но каждая из них состоит из нескольких исторически сложившихся регионов, каждая порождает свою достаточно устойчивую версию «украинства», этнокультурную идентичность и «редакцию» национальной идеи. Во время гражданской войны эти три идентичности оформились в трех украинских государственных образованиях: Западно-Украинской Народной республике (ЗУНР), Украинской Народной республике (УНР) и Донецко-Криворожской республике.

В условиях постсоветской независимой государственности Западная и Юго-Восточная Украина, Львов и Донецк, достаточно четко и нахраписто декларируют свои интересы и предпочтения в политике, хотя обе эти части являются культурными провинциями – неустойчивыми территориями, которые в неблагоприятных условиях могут отпасть и даже изменить свою идентичность.

«Серединной землей» является Центральная Украина – именно здесь свершился акт принятия христианства, именно отсюда управлялась древнерусская держава, именно тут зародилось козачество, а в XIX веке и «козацкий миф» как интегрирующий фактор, именно отсюда, а не из Львова, распространялись украинская идентичность и литературный язык, в основе которого, кстати, – киевские и полтавские говоры. Абсолютное большинство «отцов» украинской культуры и идентичности происходят из Центральной и Юго-Восточной Украины, а вовсе не из Галичины, как это зачастую считается.

Кстати, в 2004 году «оранжевая революция» победила исключительно благодаря тому, что на ее сторону встала Центральная Украина

(включая Киев и Киевскую область), жители которой голосовали не столько за Ющенко, сколько против Януковича. На парламентских выборах 2006 года наиболее харизматичной фигурой для центральноукраинского избирателя стала Юлия Тимошенко, существенно потеснившая Александра Мороза и Владимира Литвина.

Сила и эффективность того или иного украинского политического режима определяется не в последнюю очередь его возможностями консолидировать, условно говоря, Львов, Полтаву и Донецк – то есть интегрировать все регионы на основе какой-либо универсальной идентичности и продвинуть вперед процесс формирования украинской политической нации. В начале 1990-х годов в качестве интегрирующей была предложена украинская идея, сформулированная при интеллектуальном участии американско-канадской диаспоры на основе галицкой идентичности и отрицания «колониального» советского опыта. Но эта попытка потерпела провал – западноукраинско-диаспорная идея не стала общеукраинской.

Ракетный инженер, «красный директор» и «шестидесятник» Леонид Кучма попытался интегрировать Украину не на основе ценностей, а на основе общности интересов различных региональных элит. Его попытка оказалась более удачной, но срок ее действия был ограничен пребыванием самого Кучмы в президентском кресле. Экономический утилитаризм не затмил собою острую потребность в идеальном.

Виктор Ющенко во время «оранжевой» революции фактически предложил новую систему морально-этических и политических ценностей, которая в перспективе могла бы стать основой для формирования новой украинской идентичности, тем более что сама революция создавала предпосылки для кристаллизации украинской политической нации. Однако первые же месяцы пребывания самого Ющенко на посту президента Украины показали, что все украинские политические элиты руководствуются только интересами, причем интересами прагматичными, корыстными и эгоистичными, а к ценностям относятся как к манипуляционным инструментам. В результате третья попытка по созданию украинской политической нации и новой украинской идеи также не привела к желаемым результатам.

В прежние времена в украинском идео-культурном пространстве развивалось два основных национальных проекта: Украина-как-Малороссия – как составная часть большого пространства с центром в Москве или Санкт-Петербурге и Украина-как-антиРоссия – как центральноевропейская страна, «младший партнер» «общеевропейской семьи», чья идентичность строится на контрасте с Россией и русской культурой. Оба этих проекта не были до конца успешными, да

и не могли быть такими: в одном случае идентичность строилась как производная от российской, в другом – на отрицании российской. Однако полноценной и устойчивой может быть лишь идентичность, выстроенная на имманентных культурных и цивилизационных началах. Именно поэтому можно предположить, что общеукраинская идея и долгосрочная стратегия развития могут быть выстроены в будущем именно на основе центральноукраинской идентичности.

Политическая культура как фактор национального единства

Итак, цивилизационные и геокультурные кордоны внутри Украины – это факторы, скорее угрожающие единству и неделимости страны. Но если говорить о политической культуре и стереотипах политического поведения, то Украина – достаточно целостный массив. В отличие от российской политической культуры, для которой стержневым является представление о суверенитете и величии страны, идея суверенитета и величия Украины не является абсолютной ни для дончан, ни для киевлян, ни даже для львовян. Для многих из них приемлем вариант стать частью ЕС, Российской Федерации либо какого-то еще объединения, но обязательно с сохранением внешних атрибутов независимости. Открытых противников этой идеи можно найти разве что в некоторых крымских и севастопольских маргинальных политических сообществах – даже организации, декларирующие необходимость восстановления СССР или создания союза России, Украины и Беларуси и при этом претендующие на общеукраинский статус, не готовы поступаться суверенитетом Украины.

В матрицу украинской политической культуры заложена также способность к несилловому решению политических вопросов на основе компромисса или консенсуса, что было ярко продемонстрировано во время «оранжевой» революции и после – во время противостояния между сторонниками Ющенко, Януковича и Тимошенко. В нынешней Украине отсутствует характерный для большинства постсоветских государств феномен «монолитной элиты» – есть «консенсусная элита». Вместо распространенного в СНГ политического сценария «победитель получает всё» в украинских условиях можно наблюдать сценарии «картельного соглашения» и «борьбы по правилам» [10].

Разумеется, политическая культура и стереотипы политического поведения, скажем, жителей Донбасса, Кировоградской области и Львовщины отличаются, однако значительно меньше, чем их геокультурная идентичность или цивилизационные ориентации. И определяющим для политической культуры являются не язык бытового общения, не конфессиональная принадлежность и не отношение к Рос-

сии, США и НАТО, а уровень индустриализации региона, тип окружающей среды, региональная «историческая память».

Понятно, что социальное и политическое поведение жителя города-завода в Днепропетровской области или поселка-шахты на Донбассе отличается от поведения жителя полтавского села или галицкого местечка: ключевым признаком тут служит преобладание коллективистских либо индивидуалистических установок в структуре личности. Кроме того, в любом регионе в любую эпоху существуют модели героического поведения и минималистского поведения: соотношение носителей первой и второй является важной характеристикой политической реальности. Скажем, в Центральной Украине исторически различались стереотипы поведения «козаков» и простых крестьян-«гречкосеев». Тем не менее ценностные ориентации, интерпретации социально-политической реальности, представления об идеальном устройстве государства и общества, отношение к государству и отдельным властным институтам, представления о должной роли собственного государства в международных отношениях, а также доминантные модели политического поведения элиты и внеэлитных слоев позволяют говорить об Украине как достаточно однородном ареале распространения специфической украинской политической культуры. Если о ней говорить с позиций российского наблюдателя, то различие региональных вариантов политической культуры еще больше нивелируется. По сути, в отношении политической культуры *между Донецком и Львовом намного больше общего, чем между Донецком и находящимся поблизости Ростовом-на-Дону.*

В сравнении с украинской российская политическая культура более субъектна и эсхатологична – ее носители хотят видеть Россию не только одним из главных вершителей мировой политики, но и активным участником апокалиптических событий. В контексте российской политической культуры Российское государство обладает сотерологической функцией – оно мыслится как «последний бастион истинной веры», как «катехон», спасающий человечество от торжества зла. Поэтому в русском культурно-политическом сознании доминирует линейная модель времени, в украинском – преимущественно циклическая. *Украинский эсхатологизм связан со средневековым пророчеством о Киеве как Втором Иерусалиме.* Символизм этого образа менее очевиден и значительно меньше популяризирован, чем содержание концепции о Москве как Третьем Риме.

Лишь несубъектные политики с ментальностью «средних» или «маленьких украинцев» [11] и жизненной установкой «хаты с краю» могли не только добровольно отдать в начале 1990-х украинский ядерный арсенал (третий в мире по суммарному потенциалу!), но еще и не

испытывать по этому поводу никаких угрызений совести. Фигурально выражаясь, *Украина привыкла ощущать себя «мячом» или «зрителем», но не геополитическим «игроком».* В контексте украинской политической культуры актуален вопрос: *с кем Украина? С Западом, с Россией, с кем-нибудь еще?* Отсюда – постоянная смена союзников и геополитических приоритетов. В российской политической культуре вопрос формулируется иначе: кто вместе с Россией?

В Украине верховная власть по своей природе лишена сакральной легитимности: украинский правитель (гетман или президент) – это один из представителей правящей элиты – «главный олигарх». «Главный» – значит, не единственный, качественно не отличающийся от иных подобных. Отсюда проистекает феномен «многогетманья» – любимая украинская поговорка: «Где два украинца, там три гетмана». Именно этот феномен фиксирует популярная шутка о том, что при Викторе Ющенко и Викторе Януковиче «многовекторная» украинская политика превратилась в «многовикторную».

В традициях же российской политической культуры верховный правитель (царь, император, генсек, президент) – это отдельный уровень в элитной пирамиде, который, как правило, находится в жестком противостоянии с элитой (с боярами и дворянством, при Сталине – со «старыми большевиками-ленинцами», при Путине – с олигархами).

При этом сами гетманы понимали ущербность и неустойчивость властной конструкции, не опирающейся на сакральную легитимацию, – они предпринимали неоднократные попытки стать суверенными властителями, сакрализовать собственную власть и окружить ее мистическим ореолом. Известен, в частности, монархический проект Богдана Хмельницкого, пытавшегося легализовать свои полномочия на более высоком статусном уровне и основать наследственную православную монархию, власть в которой передать своим сыновьям. Но череда неблагоприятных событий помешала осуществлению этого плана и привела к затяжному политическому хаосу – эпоха от Выговского до Мазепы (1658–1687) получила название «Руина Гетманщины». Однако в украинском политическом сознании боязнь новых Руин не вызывает такого экзистенциального ужаса, как боязнь новой Смуты – в российском. Попытки президента Виктора Ющенко придать своей фигуре и власти сакральный ореол также потерпели неудачу – они были многократно высмеяны в украинских СМИ и стали, скорее, негативным имиджевым фактором.

Еще одно следствие десакрализации власти и политической сферы в целом: по сравнению с Россией в Украине несколько ниже уровень патерналистских настроений и меньше надежд на государство. При

том что украинское государство менее субъектно в сравнении с российским, украинская политическая и особенно социальная система значительно устойчивее российской – это становится особенно очевидным в нестабильных и критических ситуациях.

Российское «государство-корпорация» как вызов Украине

Двусторонние отношения России и Украины подвержены как минимум трем серьезным вызовам. Первый из них появился сравнительно недавно – это превращение России в «государство-корпорацию». Второй – это различие типологий взаимовосприятия и построения отношений: субординационной в российском случае и координационной – в украинском. Третий – это зависимость собственных национальных идентичностей друг от друга.

Итак, в последние годы Россия постепенно превращается в государство нового типа – в «государство-корпорацию», которое существенно отличается от традиционной для русской истории и российской политической культуры континентальной империи – «тяглогового» государства с универсалистской миссией. Заявления высшего руководства последних лет о том, что перспектива развития России – это «энергетическая сверхдержава» и «либеральная империя», вытекают из концептуально нового понимания российской элитой места страны в мировом политическом раскладе и новой философии власти, основанной на дискретном (а не органическом) представлении о государстве. В такой системе ценностей *на первое место выходят сугубо утилитарные факторы – условно говоря, «цифры вместо смыслов»*. В масштабе короткого времени подобная изоляционистская политика позволяет выстраивать с Украиной и другими странами СНГ экономически выгодные для российской стороны двусторонние отношения. Однако в среднесрочном и долгосрочном масштабах подобные отношения вряд ли можно назвать перспективными, ибо они превращают соседей России в жестких конкурентов и противников – с угрозой дальнейшего превращения во врагов и образования вокруг российской границы «санитарного кордона» – пояса недружественных государств, предоставляющих свою территорию открытым противникам России для реализации антироссийских стратегий. Скажем, если изначально проект ГУАМ рассматривался как геоэкономический и геополитический спецпроект США, то сейчас, в условиях ухудшения отношений с Москвой, в глазах постсоветских элит он постепенно обретает под собою и некие моральные основания.

Колоссальным вызовом российско-украинским взаимоотношениям на протяжении последних как минимум 350 лет является и различная

ориентация взаимовосприятия. Так, для российской политической культуры характерно субординационное, «вертикальное» восприятие Украины – восприятие сверху вниз. Для украинской политической культуры – координационное, «горизонтальное» восприятие России.

Многочисленные российско-украинские кризисы второй половины XVII – начала XVIII века объясняются в значительной степени конфликтом политических культур: украинская козацкая старшина рассматривала двусторонние отношения как «горизонтальные», симметричные и договорные, московские цари и бояре – как «вертикальные», основанные на обязательстве одностороннего подчинения Украины. Именно этим объясняется и конфликт Петра I с гетманом Иваном Мазепой: последний протестовал против ограничения политических прав Гетманщины и требовал от России исполнения ранее заключенных между гетманами и московскими царями политических договоренностей, в частности Коломацких статей [12].

Семен Дивович, автор стихотворного «Разговора Великороссии с Малороссиею» (1762), так манифестирует права Украины:

*Не тебе. Государю твоему поддалась,
При которых ты с предков своих и родилась.
Не думай, чтоб ты сама была мой властитель,
Но государь твой и мой общий повелитель [13].*

То есть в сознании «козацкой старшины» Украина и Великороссия – равные по своему положению и статусу субъекты, над которыми властвует единый православный монарх, чья власть имеет не человеческое, но трансцендентное, божественное, происхождение. Малороссийское дворянство начала XIX века унаследовало примерно ту же концептуальную установку. Так, находящийся на государственной службе полтавский дворянин и основоположник новой украинской литературы Иван Котляревский выражает свое отношение к национально-политической реальности устами героини собственного водевиля «Москаль-чарівник» (1819) Тетяны следующим образом: «Тепер чи москаль, чи наш – все одно: всі одного батька, царя білого діти» [14].

Современные украинские политики, политические эксперты, да и обычные обыватели свое скептическое отношение к России как к союзнику и партнеру чаще всего поясняют именно неадекватно высокомерным, иногда даже полупрезрительным отношением россиян к Украине и украинцам, которое, в свою очередь, основано именно на субординационной установке российской политической культуры. Неприятие украинской политической элитой (по крайней мере ее большей частью) СНГ, ЕЭП и ЕврАзЭС объясняется именно опасением,

что в этих структурах «командовать» всем будут Россия и российские бюрократы, а Украина в очередной раз окажется в подчиненном и униженном положении.

Еще один важный вызов российско-украинским отношениям – это взаимная зависимость национальных идентичностей и историософских доктрин друг от друга. И если украинская зависимость от российских факторов общепонятна, то обратное требует специального пояснения.

Украина моделировалась и как Малороссия – «продолжение России», и как «альтернативная Россия», и как «анти-Россия» – не случайно второй президент Украины Леонид Кучма назвал свою концептуальную книгу «Украина – не Россия» (2003). Даже украинский литературный язык в Восточной Украине во второй половине XIX века формировался по контрасту с русским языком: при наличии у того или иного слова нескольких вариантов преимущество отдавалось похожему на польское, а не на русское или церковнославянское. (В это же время в Западной Украине, пребывавшей в составе Австро-Венгерской империи, работал похожий механизм, но наоборот – там было два варианта формирования нового литературного языка: на народно-разговорной галицкой основе и так называемое «язычие», в которое не включались слова с польскими и латинскими корнями, – оно обогащалось за счет русских и церковнославянских слов.)

Исторически идентичность России как государства в наибольшей степени зависела именно от Украины, а не от Прибалтики, Беларуси, Кавказа, Средней Азии или Сибири. Древнерусские княжества превратились в мощную державу, способную к принятию христианства, после объединения Новгорода и Киева. Московское царство превратилось в государство с «вселенскими» амбициями после церковной реформы патриарха Никона и проведенной киевскими церковными интеллектуалами «книжной sprawy». Можно по-разному оценивать последующий церковный раскол и маргинализацию великорусской средневековой культуры, однако в середине XVII века это была, по видимому, одна из самых мягких форм возможной социальной модернизации.

После присоединения Левобережной Украины Московское царство превратилось в Российскую империю именно в результате достижения им «критической массы» – при самом непосредственном участии украинских государственных деятелей, бюрократов и идеологов вроде Феофана Прокоповича и св. Димитрия Ростовского. Непосредственным «информационным поводом» к такому превращению послужила битва под Полтавой (1709), положившая конец шведскому могуществу

и открывшая перед государством Петра I широчайшие геополитические перспективы.

СССР состоялся как мировая сверхдержава именно на основе альянса России и Украины, а перестал существовать после подписания Беловежских соглашений, которые, в свою очередь, стали возможны после проведения в УССР 1 декабря 1991 года референдума о независимости и заявлений украинского руководства о выходе из Союза и неподписании нового союзного договора. РСФСР же на фоне конфликта Горбачева и Ельцина в критический момент «сбросила» имперскую миссию и осознала себя национальным государством без глобальных амбиций.

Самое удивительное, что идентичность России на данном этапе развития также критически зависит именно от Украины. СНГ не является эффективной работающей структурой именно из-за украинской позиции. Лояльные России Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Армения не образуют вместе с ней критической массы, позволяющей постсоветским объединениям с их участием (вроде ЕврАзЭС, ОДКБ, Союза России и Беларуси или ЕЭП) перейти в новое качественное состояние и стать влиятельными.

Тот факт, что Украина больше не является частью единого государства, вызывает у большинства носителей российской политической культуры экзистенциальный ужас. Отсюда и распространенная на уровне обывательского сознания претензия к Украине: «Зачем вы от нас отделились?» Примечательно, что к балтийским странам, Грузии, Азербайджану, Армении, Молдавии, Казахстану, среднеазиатским странам и даже Беларуси так жестко претензия «Зачем вы от нас отделились?» не формулируется.

Отдельный индикатор, показывающий, что российское политическое сознание в той или иной степени определяет себя через украинский фактор, – восприятие в России украинской «оранжевой» революции как вселенской катастрофы, характерное особенно для российского политического класса. В начале XX века официальная идеология Российской империи рассматривала «украинство» и «украинский сепаратизм» как польско-австро-немецко-ватиканскую интригу. Примерно так же в начале XXI века официальная идеология путинской России интерпретировала «оранжевую» революцию как американскую интригу.

Преемственность Московского царства от Киевской державы Владимира и Ярослава является одной из фундаментальных ценностей российской историософии. В этом отношении основатели евразийства и украинские историки школы Михаила Грушевского, отрицавшие та-

кую преемственность, рассматриваются как идеологические враги, посягнувшие на «самое святое». Примечательно, что данная идеологема была заметно усилена во времена Алексея Михайловича украинскими же идеологами, авторами «Синописа» (1674) – краткого курса отечественной истории, по которому в Российском государстве учились в течение двух веков.

Тезис Збигнева Бжезинского о том, что без Украины Россия перестает быть евразийской империей [15], остается актуальным, однако в России его воспринимают, как правило, не вполне адекватно: *Украина рассматривается исключительно как пассивный ресурс (человеческий, географический, транзитный, промышленный), но не как партнер.*

При желании историю Российской империи и СССР можно описать не как трехвековое угнетение Украины Великороссией (подобная интерпретация преобладает в большинстве украинских исторических концепций), а как тонкую манипуляцию, которую осуществляли украинские книжники XVII века, украинские царедворцы и митрополиты XVIII века, украинские бюрократы, военачальники и деятели культуры XIX века, украинские партийные, хозяйственные и военные функционеры XX века надо всем государством.

Именно украинские деятели, в меньшей степени великорусские, белорусские, польские, еврейские и татарские, создали в XVII–XIX веках специфический дискурс «общерусской» имперской культуры и «общерусского» общественного сознания. Начало этому процессу было положено во времена Алексея Михайловича «книжной справой», коррекцией великорусского православного обряда по греческо-румынско-украинскому образцу, изданием «Синописа» как актуальной официальной историософской модели и т.д. Всем этим имперским модернизационным дискурсом управляли украинцы и отчасти белорусы – носители барочной культуры.

Усиление великорусского начала и кадрового присутствия нередко вело к ослаблению имперских идеологем и увеличению изоляционистских тенденций. Символическими предвестниками распада Российской империи и СССР стали два сибиряка – Григорий Распутин и известный русский писатель Валентин Распутин, заявившие о том, что Россия устала от имперской миссии, что РСФСР должна выйти из состава СССР и т.п.

Историческое будущее современной России в очень большой степени зависит прежде всего от отношений с Украиной – от того, произойдет ли «вычитание» потенциалов (если Украина окажется во враждебном по отношению к России политическом союзе), произойдет ли простое «сложение» потенциалов (если Украина превратится в коло-

нию российского капитала). *Наиболее перспективным представляется такой тип отношений, который позволит «преумножить» потенциалы обеих стран и найти некий новый сложный формат синергетического взаимодействия по стратегическим вопросам.* Именно эта проблематика, по всей видимости, и должна стать основным предметом российско-украинских отношений в ближайшем будущем (заметим, что различные украинские и российские ресурсы и потенциалы соотносятся примерно от 1:2 до 1:4; например, численность населения в настоящий момент соотносится как 1:3.)

Без Украины Россия теряет не только территорию и потенциал, но идентичность империи, превращаясь в «остров России» с изоляционистским и этнонационалистическим государственным мировоззрением. Разумеется, новейшие наднациональные российско-украинские проекты не предполагают создания общего государства путем слияния или поглощения – подобные идеи остались в прошлом.

«Евроинтеграция»: украинская элита в поисках «земного рая»

Проблематика «евроинтеграции», под которой понимается курс на вступление Украины в ЕС и НАТО, – одна из самых актуальных в российско-украинских отношениях.

Стереотипом российского информационного пространства является убеждение, что Восток Украины – против вступления в НАТО, тогда как Запад – за. Но даже в наиболее прозападных Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областях лишь около половины населения хотят в НАТО. Тем не менее низкая популярность в Украине идеи о вступлении страны в Североатлантический альянс (убежденных сторонников, согласно разным соцопросам, – порядка 20%) не должна создавать иллюзий у российских наблюдателей. Принципиальным моментом является не электоральная непопулярность НАТО, а отношение к этому вопросу лидеров общественного мнения – высшего руководства страны, политиков, бизнесменов, журналистов, политэкспертов, творческой интеллигенции, звезд шоу-бизнеса и т.д. А вот среди них сторонников вступления Украины в НАТО в целом больше половины; вопрос же о вступлении в ЕС не дискутируется вовсе – по нему в элитной среде практически полный консенсус (в целом по стране сторонников вступления – чуть менее 50%).

Красноречив тот факт, что на парламентских выборах 2006 года лишь две политические силы включили в свои программы пункт о жесткой необходимости интеграции Украины в НАТО – блок «Пора – ПРП» и блок Костенко – Плюща, основу которого составляла Украинская народная партия: даже проющенковская «Наша Украина» стара-

лась не муссировать этот вопрос, чтобы не отталкивать свой электорат в центральных и юго-восточных областях. Впрочем, на досрочных парламентских выборах 2007 года вопрос об интеграции в НАТО уже перестал быть дискуссионным – по крайней мере, для электората «Нашей Украины – Народной Самообороны». «Ядерный» электорат «Поры», ПРП, УНП – «прогрессивное» студенчество и патриотически ориентированная интеллигенция. Получается, что идея вступления в НАТО имеет наивысшую популярность именно в той части общества, которая гипотетически является носителем инновационных социальных изменений. В навязываемой этим группам системе ценностей предполагается, что «современный», «модернизированный», «европеизированный», «несовковый» украинец не может иметь двух мнений по поводу ЕС, НАТО, ВТО и «евроинтеграции». Впрочем, после «оранжевой» революции количество сторонников интеграции Украины в ЕС уменьшилось в разных регионах на 7–12 %, количество сторонников интеграции в НАТО уменьшилось на 2–12 % [16].

В последнее время в Украине развернулась также и массовая пропагандистская кампания за вступление в НАТО, названная «информированием населения» об «истинных целях и задачах» Североатлантического альянса. Субъекты этой кампании считают, что «всесторонне проинформированные граждане, как правило, поддерживают вхождение Украины в НАТО» [17]. Во всех областных центрах открыты информационные центры НАТО (по оценкам украинских политологов, бюджет каждого такого центра достигает 20 тысяч долларов США в месяц), регулярно проводятся экспертные круглые столы, акции для молодежи, издаются брошюры и книги, к этой «просветительно-пропагандистской» работе подключен также целый пул негосударственных организаций – фондов, институтов, исследовательских центров и т.д. Президент Ющенко 27 декабря 2006 года издал указ «О неотложных мерах по дальнейшему развитию отношений Украины и Организации Североатлантического договора (НАТО)», согласно которому в школах и вузах Украины будут изучать деятельность ЕС, НАТО и украинский опыт сотрудничества с этими организациями.

Стратегическим просчетом России в начале 2000-х годов было то, что российское политическое руководство пыталось изолировать Украину от альянса, но при этом само активно развивало отношения по линии «Россия – НАТО» в формате «19+1». Понятно, что в российском случае речь идет лишь о сотрудничестве с НАТО, тогда как в украинском – о вступлении в организацию. Тем не менее это дает повод украинским политикам уличать российских политиков в двойных стандартах. Следует признать, что *если бы российские чиновники, ответст-*

венные за внешнеполитическое и международное военное сотрудничество, мыслили стратегически, они бы всеми силами старались втянуть Украину в сотрудничество с НАТО на стороне России, то есть в формате, условно говоря, «19+2», – в 2001 году это было еще возможно.

Но теперь НАТО использует Украину против России. Положение об интеграции в альянс закреплено в национальном законодательстве – в законе Украины «Об основах национальной безопасности» (2003). В США недавно принят «Акт 2007 года о консолидации свободы в НАТО», предполагающий выделение материальной, политической и организационной помощи Украине, Грузии, Македонии и другим странам для вступления в альянс.

Очевидно, что Украина с ее постсоветской недееспособной армией, крупными заводами военно-промышленного комплекса и советскими военно-техническими стандартами – это обуза для НАТО. Альянсу от Украины нужен ее человеческий потенциал («пушечное мясо» для использования в горячих точках), территория и транзитный потенциал; есть заинтересованность и в свертывании совместного российско-украинского военно-промышленного комплекса. *И вопрос о приеме либо неприеме страны в НАТО будет решаться не в Киеве, не в Москве, не в Брюсселе и не на общеукраинском референдуме – он будет решаться в Вашингтоне.*

Североатлантический альянс ведет в Украине грамотную, технологичную, последовательную и достаточно эффективную политику по формированию общественного мнения. Такая политика основана прежде всего на технологиях «soft power» и направлена на укрепление статуса США как единственной мировой сверхдержавы.

Россия не только в мировом масштабе, но даже в масштабе украинского информационного и политического пространств не может предложить ничего – кроме декларативных заявлений и отдельных пиар-акций на украинской территории. Неэффективная и «тяжелая» российская политика в странах СНГ снижает привлекательность России как военно-политического партнера и усиливает пронатовские настроения в среде украинской элиты и электората. В Украине, надо сказать, достаточно внимательно следят за российской политикой по отношению к Беларуси, Грузии, Молдавии, Эстонии и близко к сердцу воспринимают все реальные и мнимые обиды со стороны России.

Языковой вопрос: от раскола к консолидации

Второй по значимости после НАТО вопрос в отношениях России и Украины с российской точки зрения – это вопрос языковой. Сложно

припомнить российского политтехнолога, который, получив заказ в Украине по раскрутке какой-либо партии, блока или политика, декларирующих свою «пророссийскость», не предложил бы сделать этот вопрос одним из ключевых в избирательной кампании.

Однако проблема русского и украинского языков в самой Украине воспринимается несколько иначе, чем принято считать в России. Разнообразные соцопросы показывают, что для жителей Украины языковой вопрос не является приоритетным – он попадает во вторую десятку в иерархии насущных проблем (исключение составляют жители Крыма – для них он стоит на 4–5-м местах). На первых позициях по актуальности стоят вопросы экономического роста, борьбы с бедностью, безработицы, пенсионной реформы, повышения уровня зарплат бюджетникам, улучшения медицинского обслуживания, борьбы с преступностью, реформирования жилищно-коммунального хозяйства. Немного дальше – проблемы морального кризиса в обществе, обеспечения молодежи доступа к высшему образованию, земельная реформа. Далее следуют проблемы культур и языков. Проблемы интеграции Украины в ЕС, НАТО, ЕЭП и ЕврАзЭС по большинству соцопросов интересуют население менее всего.

Языковое сознание жителей Украины основано на феномене двуязычия – явления, не известного большинству россиян, чье сознание моноязычно, (исторически в различных регионах Украины, помимо русско-украинского двуязычия, существовали также украинско-польское, украинско-венгерское, украинско-румынское двуязычия и украинско-польско-немецкое трехязычие.) В этом смысле *всех жителей современной Украины языковая проблема не столько разделяет, сколько объединяет. Но объединяет их не русский и не украинский языки, а именно русско-украинское двуязычие*, близкое к «диглоссии», то есть ситуация, в которой оба языка могут считаться родными: когда они понятны всему населению, не воспринимаются как иностранные, не требуют перевода и функционируют в рамках единой речевой системы. Разница в том, что для большей части жителей Западной Украины русский является «вторым родным», для большей части Юго-Восточной Украины «вторым родным» является украинский. В речевых практиках населения Центральной Украины языковой баланс относительно равновесен, что порождает «суржик» – просторечие из смеси обоих языков.

Раньше украинский язык был языком общения подавляющего большинства украинцев, русский – официальным языком, обслуживающим деловую сферу, управление, судопроизводство, образование, а также языком «высокой» культуры. В независимой Украине всё на-

оборот: языком бытового общения жителей украинских городов стал «украинский русский» и «суржик», а украинский литературный язык стал официальным языком, на котором государство ведет общение со своими гражданами. В сфере масскульты доминирует русский, в сфере «высокой» культуры – украинский.

В принципе внутри украинского общества существует согласие по поводу того, что оба языка имеют право на существование. Относительно конфликтной является проблема их реального соотношения, применения и функционирования в тех или иных сферах. Вопрос о статусе русского языка как второго государственного в Украине едва ли может быть решен в обозримом будущем: в украинском политическом сообществе в целом есть определенный консенсус по языковому вопросу. *В среде политической элиты существует какой-то экзистенциальный страх, что тема языка непостижимым образом связана с темой государства и нации: если украинский язык утратит свой статус как единственного государственного, Украина перестанет существовать как независимое государство, украинский народ ассимилируется среди соседей, а украинская элита превратится в областное начальство.* Подобный логоцентризм сознания вполне характерен для православной средневековой культуры, в которой слово как такое неразрывно связано с сакральными энергиями и тайными смыслами.

Донецкие и крымские политики постоянно используют языковой вопрос как аргумент в споре со своими оппонентами, а также в качестве безотказного предвыборного обещания. Тем не менее, похоже, для них самих этот вопрос не является актуальным – просто они понимают его символическую ценность и политическую «котировку» в России. В независимой Украине украинский литературный язык не утвердился в сфере бизнеса, слабо утвердился в сфере массовой культуры, художественной литературы и прессы, значительно лучше – в сфере политики, государственного управления и юриспруденции. Российские политики, политологи и политтехнологи, выступающие за второй государственный язык в Украине, часто переносят на украинскую ситуацию опыт русского языка в странах Балтии, где он подвергается вполне ощутимой дискриминации, и опыт Беларуси, где напротив – белорусский язык находится на грани полного исчезновения.

Языковая ситуация в Украине принципиально иная, хотя бы потому, что русский и украинский – языки родственные, исторически развивавшиеся в очень сложном взаимодействии, да и родиной русского литературного языка вполне может считаться именно Западная Украина. Как известно, русский литературный язык в современном виде появился в результате сложного исторического синтеза, главными компо-

нентами в котором были церковнославянский язык, язык московских приказов, «проста мова» (украинско-белорусский средневековый книжный язык) и средневеликорусские народные говоры [18]. «Грамматика» (1619) западноукраинского ученого Мелетия Смотрицкого сформировала грамматическую систему русского литературного языка последующих эпох. В качестве основы гражданского кириллического шрифта, введенного во всеобщее употребление Петром I в 1708 году, была взята скоропись, использовавшаяся Львовским Успенским братством [19].

Однако в тонкостях реальной языковой проблематики Украины в России мало кто разбирается, а борьба за права русского языка и русскоязычных является достаточно прибыльным (и в политическом, и в финансовом отношении) занятием. Поэтому в обозримом будущем эта тема, вероятно, останется одним из российских лейтмотивов в двусторонних отношениях.

В украинском политическом сообществе давление российских коллег по поводу статуса русского языка в Украине и протесты относительно политики украинизации воспринимаются негативно и крайне болезненно – многие украинские политики считают, что это шантаж и вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Получается, что в большинстве ситуаций языковой вопрос выступает в качестве технологии обострения российско-украинских отношений.

Между тем, если говорить о реальном развитии русского языка и русской культуры в Украине как о практической задаче, а не о политической технологии, вопрос должен быть переведен из идеологического измерения в утилитарно-практическое. Вполне эффективной тут может оказаться стратегия «малых дел» и проектная методология. При этом имеет смысл тратить российские средства и силы не на политико-идеологические фантомы, а на реальные проблемы. Среди таковых можно назвать: изучение русского языка во всех без исключения школах Украины в объеме, необходимом хотя бы для грамотного письма, изучение в школе русской литературы на русском языке и в рамках отдельного курса или подкурса (сейчас ее изучают в курсе мировой литературы), повышение уровня культуры языка всех без исключения украинских русскоязычных СМИ, доступ жителей Украины к современной «высокой» русской культуре и литературе (это является реальной проблемой – особенно на фоне переизбытка в Украине низкопробной русскоязычной маскультуры и шоу-бизнеса). Кстати, низкая культура русского языка в Украине пагубно действует и на украинский язык, превращая его в «суржик».

То есть в вопросе защиты, развития и повышения культуры русского языка в Украине актуально не политическое давление на украинскую власть, к которому склонны многие российские политики, а другое: сугубо экономические методы – финансирование и реализация конкретных проектов.

Современное состояние обоих литературных языков таково, что с одного на другой можно перевести любой текст без потери смысла. Разумеется, по известным причинам в русском литературном языке более развита техническая, медицинская, научная, философская и абстрактная терминология. В украинском языке эти лексические пласты несколько десятилетий (после эпохи украинизации 1920-х годов) практически не развивались – такова была советская языковая политика, так что многие лексические массивы нынче создаются буквально на глазах. Однако в украинском литературном языке сильно развита образность, художественность и словесная изобразительность.

Соборность vs. федерализация

Среди претензий и «пожеланий», выказываемых российским политическим сообществом в отношении Украины, помимо проблемы русского языка и интеграции в НАТО, есть также пункт о необходимости федерализации страны. В самой Украине эта идея имеет хождение как на Юго-Востоке, так и на Западе – одним из первых ее апологетов был ныне покойный диссидент и политик Вячеслав Чорновил. Группа львовских историков и культурологов, объединенных вокруг альманаха «Ї», в течение последнего десятилетия развивает идею галицкого сепаратизма: независимая Галичина, по их мнению, может стать компактным, эффективным, моноэтническим и монокультурным государством, которое имеет шансы очень быстро стать членом ЕС и НАТО. Основу экономики такого государства должны составить доходы от международного туризма и экспорта российского газа в Европу – основные газохранилища находятся, как известно, именно в Карпатах [20]. Примечательно, что «сепаратистский съезд» в Северодонецке в конце ноября 2004 года во время Оранжевой революции был спровоцирован именно решениями нескольких западноукраинских областных и городских советов о неподчинении Киеву и признании Виктора Ющенко президентом.

Идее федерализации Украины нередко противопоставляется идея соборности: если федерация в подобном смысловом контексте – это форма государственного устройства для страны, в которой регионы представляют собой случайную смесь разнородных и чуждых друг другу регионов, то соборность – объединение культурно, географиче-

ски и исторически разнообразных украинских регионов, между которыми наличествуют органическое единство и общеукраинский «знаменатель». Административная реформа, неудачное внедрение которой началось в 2005 году, не предполагала федерализации, но предусматривала создание в Украине укрупненных еврорегионов.

Наименее популярна идея о федерализации Украины именно в центральноукраинских областях – это еще раз доказывает, что страна «собрана» именно вокруг них. Большинство политиков-«федералистов» из Львова, Донбасса или Крыма, выйдя на общеукраинский уровень реальной власти и влившись в киевскую элиту, отказывалось от идеи федерализации.

Существует немало мнимых и неадекватных толкований этой идеи.

Во-первых, федерализация автоматически не влияет на режим функционирования языков и не гарантирует юридического оформления украинско-русского двуязычия. Во-вторых, возможно, федерализация позволит изменить систему распределения налоговых поступлений в пользу региона, но жестких гарантий тут тоже не существует, что доказал неудачный опыт Автономной республики Крым. В-третьих, федерализация усложняет правовую систему, ибо предполагает наличие как федерального, так и регионального законодательства. В-четвертых, учитывая особенности национальных управленческих традиций, Украина как федеративное государство будет регулярно переживать управленческий коллапс – уровень управляемости в украинских условиях и без того крайне низкий. В-пятых, аргументы в пользу того, что федерализация будет способствовать «сохранению и развитию» региональной культурной самобытности [21], преувеличены, а вот предположения, что она будет мешать утверждению общеукраинской идентичности, а стало быть, и формированию украинской политической нации, для некоторых регионов вполне обоснованы. Избрание глав украинских регионов на выборах, а не назначение их президентом может иметь определенные позитивные моменты (главными лоббистами здесь выступают российские политтехнологи, оставшиеся без губернаторских выборов в России), но для этого не обязательно превращать страну в федерацию.

Некоторые российские политологи считают, что федерализация Украины находится в русле национальных интересов России [22]. Но тогда следует признать, что в национальных интересах России – ослабление Украины и превращение ее в плохо управляемую стагнирующую «серую зону». Кстати, в украинских политических кругах существует стойкое убеждение, что российские политики и политоло-

ги заинтересованы в федерализации Украины именно для ее ослабления, а то и расчленения – отсюда и соответствующее отношение к российским «федерализаторам». На российский призыв «федерализовать Украину» некоторые украинские политологи замечают, что это сугубо внутриукраинский вопрос, и не без иронии отвечают симметричным призывом в стиле «а-ля-Бжезинский» – «конфедерализовать Россию».

Помимо вышеуказанных существует также еще огромная по своей значимости и сложности конфессиональная проблематика, а также два локальных вопроса – сепаратистские настроения в Крыму и Севастополе и локальный «русинский» вопрос в Закарпатье. При их помощи представители российских политических кругов, а иногда и неправительственные организации пытаются воздействовать на политическую динамику в этих регионах. Однако в большинстве случаев эти усилия малоэффективны, а кое-когда приводят к обратным результатам – например, дают повод обвинять российских представителей в сепаратистской деятельности и использовании технологий «управляемого хаоса».

Тема этнических великорусов, живущих в Украине, так и не выделилась в отдельную серьезную проблематику, за исключением, возможно, Львова. Все усилия сформировать в Украине этническую великорусскую политическую силу потерпели неудачу. В большинстве регионов Украины проблематика этнического происхождения – украинского, великорусского либо какого-нибудь еще – остается, как правило, на уровне индивидуального самосознания человека. На уровне социального самосознания намного более значима региональная, геокультурная, цивилизационная, конфессиональная идентичности и геополитические предпочтения.

Украинские угрозы и российские интересы

С XIV века и вплоть до Люблинской унии (1569) на границах Московии существовало Великое княжество Литовское, в состав которого входили территории современных Литвы, Беларуси и значительной части Украины – по некоторым показателям «литовская» идентичность оставалась актуальной вплоть до первой трети XIX века (до польского восстания 1831 года и жестких правительственных контр-мер), на уровне «геополитической памяти» она существует по сей день. Литовское княжество было мощным модернизированным государством без жесткой «властной вертикали», игравшим важную роль в Восточной и Центральной Европе. По составу населения оно было преимущественно восточнославянским и православным. Между двумя великими княжествами – Литовским и Московским – существовала жесткая конку-

ренция, велись перманентные войны. Историкам культуры хорошо известно то громадное влияние, которое оказала Литовская Русь на Русь Московскую. Существовало и обратное влияние, менее сильное. Но когда Византийская империя клонилась к своему закату и константинопольские патриархи выбирали путь «отступления» Второго Рима, стал актуальным вопрос о том, кто сможет стать оплотом православия, Третьим Римом: Москва или Вильно? Выбор пал на Москву именно потому, что в Московской Руси отсутствовали «латинский» фактор и западноевропейский цивилизационный «соблазн» [23].

Но после возвышения Москвы фактор Литовского княжества никуда не делся: оно остается частью Великого Лимитрофа – межцивилизационного пояса, отделяющего Россию от незамерзающих морей [24]. Раздел Речи Посполитой в конце XVIII века, раздел Польши между гитлеровской Германией и СССР в 1939 году и отчасти даже послевоенный раздел Европы между социалистическим и капиталистическим лагерями были продиктованы именно стремлением государств – субъектов геополитики – избавиться от неустойчивых поясов вокруг себя.

Распад СССР создал условия для новой консолидации бывшего Великого княжества Литовского, которое, в свою очередь, является основой для создания Балто-Черноморского пояса, а при благоприятных условиях – для продления последнего в сторону Центральной Азии и Китая и выстраивания Балто-Черноморско-Каспийского пояса.

Тот факт, что в глазах обществ и политических элит стран СНГ Россия в ее нынешнем состоянии лишается притягательности, лишается той самой «soft power» («гибкой власти»), которая в свое время позволила создать великую державу, – это очень серьезный вызов Российскому государству и политическому режиму. Теперь уже сама Россия превратилась в зону стратегических интересов ведущих мировых держав, которые заинтересованы в ее изоляции, создании «серой зоны» по периметру и геополитическом «удушении».

Политика «прагматизации» отношений России со странами СНГ постепенно разрушает ареал общих для всего постсоветского пространства геополитических и культурных смыслов – смыслы заменяются «цифрами». Гуманитарные и политические тренды, которые Россия предлагает в последние годы Украине, лишены новизны и креативности, а кроме того, построены на отрицании. По большому счету в сознании украинского общества ЕС и НАТО конкурирует с пустотой, с геополитическим и смысловым вакуумом. Русский язык как второй государственный, федерализация, интеграция в рамках ЕЭП, уступки по газовому вопросу – всё это украинская элита слышала много десят-

ков раз. Общим местом в украинском политическом дискурсе стало убеждение, что нынешняя Россия полностью исчерпала свой потенциал и что ее «последнее оружие» – это газовая «труба».

Более того, нынешнее украинское информационное пространство мало зависит от российского: в нем доминируют западные оценки и интерпретации актуальных событий российской действительности. Путин – как «убийца Александра Литвиненко и Анны Политковской» (в киевском изложении акцент делается еще и на украинском происхождении убитых). Россия – как «рабская страна», где разгоняют демонстрации, подавляют свободу слова, избивают несогласных, манипулируют общественным мнением и т.д.

Еще одним важным антироссийским мотивом в постсоветском информационном пространстве является «китайский вопрос». Логика раскрутки этой темы во многих СМИ стран СНГ примерно такова: о каком моральном и политическом господстве может говорить страна, не способная удерживать и осваивать свою территорию собственными силами? Страна, которая вот-вот распадется под давлением китайцев, которых в некоторых районах Дальнего Востока и Сибири уже больше, чем самих россиян?

На украинском направлении российской политики тактика подменяет собою стратегию, а теория «малых дел» – реализацию «больших проектов». А беспроектная страна не может представлять интерес для соседей. Россия теряет статус регионального лидера в СНГ – рассматривать ее как серьезного партнера, от которого через несколько лет будет что-то зависеть, помимо нефти и газа, в Украине стало даже немодно.

Позитивная программа развития образа России в Украине и других странах СНГ должна строиться на приоритетах «гибкой власти» и исходить из уважительного отношения к самим странам, народам и национальным культурам. Главный российский «мессидж» должен строиться не на национальном эгоизме, а на поиске общих целей, общих интересов и «общей судьбы». *Эффективным может быть только новый наднациональный «миростроительный» проект, выходящий за пределы нефтегазовой проблематики и основанный на универсальной идентичности. Старые технологии «прямого действия», основанные на давлении и шантаже, становятся не просто неэффективными – убийственными.*

Логика российско-украинских отношений, как было сказано выше, имеет три варианта развития: «вычитание», «сложение» и «приумножение» потенциалов. Логика дальнейшего развития самой России имеет, судя по всему, также три варианта: национальное государство, «го-

сударство-корпорация» и государство с наднациональными амбициями – интегратор большого евразийского пространства.

Поэтому ключевой вопрос о будущем России, Украины и всего СНГ заключается в том, как выбрать оптимальную комбинацию этих логик? И как простое сложение превратить в геополитическое преумножение сущностей?

Библиографические ссылки

1. *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. М., 2004.
2. *Бляхер Л. Е.* Нестабильные социальные состояния. М., 2005.
3. *Савченко В. А.* Махно. Харків, 2005.
4. *Мирзоев С.* Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006.
5. *Чивокуня Віктор.* Нові сценарії атаки Ющенка // Українська правда. 2007. 27 квітня.
6. «*Oh, East is East, and West is West, and newer the twain shall meet, Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat...*»
7. *Вишняк О. І.* Соціокультурна динаміка політичних регіонів України. Соціологічний моніторинг: 1994–2006. Київ, 2006.
8. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.
9. *Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992.
10. *Гельман В. Я.* Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. 2007. № 2.
11. *Полохало В. И.* Негражданское общество как социополитический феномен Украины (Отражение социального характера «среднего» украинца в избирательном процессе) // Полис. 1999. № 6.
12. *Таирова-Яковлева Т. Г.* Мазепа. М., 2007.
13. *Дивович Семен.* Разговор Великороссии с Малороссиєю // Українська література XVIII ст. Київ, 1983.
14. *Котляревський І.* Твори. Київ, 1982. Любопытно, что главная роль Солдата в этом водевиле была написана специально для великого русского актера Михаила Семеновича Щепкина, в выкупе которого из крепостной неволи принимал участие и сам Котляревский.
15. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998.
16. *Вишняк О. І.* Указ. соч.
17. *Кучерів І.* Досвід Словаччини для України // Шлях Словаччини до НАТО. Київ, 2007.
18. *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.
19. *Шустова Ю. Э.* Типография Львовского братства как преемник книгоиздательской традиции Ивана Федорова // Федоровские чтения: 2003. М., 2003.
20. *Хавич О.* Чи можливий проект westukraina.eu? // «І»: незалежний культурологічний часопис. Число 23: Федеративна республіка Україна. Львів, 2001. (www.ji.lviv.ua/n23texts/havych); *Бондаренко К.* Західна Україна повинна домогтися статусу автономної республіки в складі України // Там же. (www.ji.lviv.ua/n23texts/bondarenko-int).

21. *Мальгин А.В.* Украина: Соборность и регионализм. Симферополь, 2005.
22. *Фролов К.* Новая цивилизация оранжевых? // Правая.ru. 2005. 27 апреля.
23. *Мейендорф Иоанн, прот.* Византия и Московская Русь // История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003.
24. *Цымбурский В. Л.* Как живут и умирают международные конфликтные системы (Судьба балтийско-черноморской системы в XVI–XX века) // Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007.